

— Мария?

Здесь душно и мало света.

Пойдем на солнце, где ветер горяч,
Туда, где по рощам оливковым лето
Уносится взмыленной лошастью вскачь!
Как ладонь твоя холодна!

Как знакома

Каждой морщинкой и жилкой своей,
Как будто я в Пскове, как будто дома
У пахнущих свежей елью дверей.
Тот же родник рвется к свету упрямо.
Что же ты плачешь?

Жалеешь земных?

Дай слезы утру.

Господи! Это — мама!

Как похожа, однако, ты, мать, на святых.
Взглянула с укором глазами серыми,
Отряхнула поневу, косу отвела.
И спокойно спросила:

— Ты веруешь?

— Верую!

О, как верую, если б сказать я могла!
Верую, что добро в человеке извечно,
Что не сгинет в земле неповинная кровь,
В непорочную душу и в грешные встречи.
И еще непокаянно, мама, в любовь.
В землю верую нашу, в бессмертье рода,
И что Русь никому не дано одолеть,
Что одно это — Бог и живая Природа.
В жизнь я верую, мать!

И не верую в смерть.

Снова звоны. Опять она в храме Софии.
Застонала, усилием сняв забытье.
И очнулась. Тревожно глаза голубые,
Святославовы очи глядят на нее.

* * *

Всю ночь хлестал по рощам дождь
И по земле струился.
Я понимал: ты не придешь,
И с участью смирился.
Дверной звонок вдруг прозвучал
Внезапной вспышкой света.
И ты вошла.

С плаща стекал

Холодный дождь рассвета.
Ты молча вытерла лицо
Ладонью оробелой.
И над тобой сиял венцом
Берет крапчато-белый...

Такой запомнил я тебя,
Стоящей у порога,
Моя любовь, судьба моя,
Бесценный дар от Бога.
Пусть наши судьбы не сплелись
В один поток бескрайний,
Но я благословляю жизнь
За то, что ты была в ней.

* * *

Памяти Михаила Годенко

Ко мне приходят ночью корабли,
Тревожной ночью, стонущей от ветра,
Когда вблизи не отыскать и метра
В глубины моря впаянной земли.
Я глажу их шершавые борта
И говорю по-человечьи нежно,
Что ведь Земля, наверное, и та
Устала мчаться в космосе безбрежном.
Зачем вам одиночество морей
И океанов ад девятибалльный,
И северных созвездий свет прощальный?..
Зачем они?

Что Родины милей!
Что за ее пределами найдешь,
А эта ночь забудется едва ли...
И пробежит по корабельной стали
Живая человеческая дрожь.

* * *

Убегал от рыси горностаи.
Меж ветвей легко струилось тело.
Но распадок обозначил край
Вольного таежного предела.
След потока, селевая грязь.
А за ней зеленое приволье.
Но инстинкта родового власть
Вдруг сковала мускулы и волю.
Царский мех искрился чистотой,
Серебром на поминальной тризне.
Горностаи застыл.

И принял бой,
Отрицая грязь ценою жизни.

* * *

И снова октябрь.
И листья кружатся.
А мы не привыкнем никак,

Что нужно прощаться, что нужно прощаться
Со всем, что нам дорого так.
А мы не привыкнем с тобой, что уходят
Веселые наши года.
Октябрь по лесам в старом тельнике бродит,
Зовет за собой навсегда.
А что же за нами?

А кто же за нами
Затеplit поля и цветы?
Какую любовь осенит небесами
Во имя земной красоты?
Железная поступь компьютерных буден
Пройдет, как Батыева рать.
И некому будет, и некому будет
Правду о нас рассказать.

ХРАМ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Как он похож на звук свирели,
Зов родникового ключа,
Храм Покрова на тихой Нерли
Стоит, как Божия свеча.
Незыблем духом, ликом ясен
С бессмертной вестью на кресте,
Как он загадочно прекрасен
В своей небесной простоте.
Как он парит над русским полем
Мольбой извечной к небесам
О дарованьи лучшей доли
Своим заблудшим сыновьям.
Храня всего превыше Слово,
Он принимал, как дар судьбы,
И одиночество святого,
И равнодушие толпы.
Родник журчит, не замолкая,
И мне бессонно говорит:
Вовек не сгинет Русь святая,
Пока на Нерли храм стоит.

* * *

Все пройдет. Пройдет и это —
Жизнь, любовь и красота.
Не печалься, друг, об этом,
Философия проста.
Мы уходим в бесконечность,
Чтобы снова в свой черед
Возвратиться в мир беспечный
И узнать, что все пройдет.